

¹ Трубникова Н.Н., ² Горенко И.В.

^{1,2} Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

^{1,2} 119571, Россия, г. Москва, пр-т Вернадского, 82

¹ trubnikovann@mail.ru

² gorenko.igor@gmail.com

Трубникова Н.Н.

Горенко И.В.

Выбирай свой рай. Жизнь и смерть монаха Гэнсина в рассказах сэцува

Аннотация. Монах Гэнсин (942–1017) вошёл в историю японского буддизма не только как наставник школы Тэндай, впервые обосновавший учение о будде Амиде и Чистой земле, как составитель толкований к сутрам, автор трактатов, проповедей и множества других сочинений, но ещё и как герой поучительных рассказов *сэцува*. Истории о нём появляются в сборнике преданий о чудесах «Лotosовой сутры» в середине XI в., далее – в книге рассказов о возрождении в Чистой земле и в обширном «Собрании стародавних повестей» начала XII в. Затем почти во всех крупных сборниках *сэцува* встречаются рассказы о Гэнсине, причём ранние обстоятельные повествования сменяются краткими описаниями отдельных эпизодов из его жизни. В рассказах речь идёт о том, как Гэнсин из служилого монаха стал отшельником, о его отношениях с матерью, о трудах буддийского книжника и его встречах с другими монахами и с мирянами, о чудесах в час его кончины. Особенность этих рассказов в том, что Гэнсин не всегда появляется в них как главный герой: нередко ему принадлежит более скромная роль странника, гостя других монахов, жрецов и мирян: в ответ на его вопросы они раскрывают свое понимание буддийского пути.

Ключевые слова: японский буддизм, амидаизм, Гэнсин, японская литература, рассказы *сэцува*

¹ Nadezhda N. Trubnikova, ² Igor V. Gorenko

^{1,2} The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

^{1,2} 82 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119571

¹ trubnikovann@mail.ru

² gorenko.igor@gmail.com

Choose Your Paradise. The Life and Death of Monk Genshin in Setsuwa Tales

Abstract. Monk Genshin (942–1017) went down in the history of Japanese Buddhism not only as a teacher of the Tendai school, who for the first time substantiated the teaching of Buddha Amida and the Pure Land, as a compiler of interpretations of sutras, treatises, sermons and many other works, but also as a hero of *setsuwa* didactic tales. Stories about him appear in the collection of legends about the miracles of the Lotus Sutra in the middle of the 11th century, then in the book of stories about the rebirth in the Pure Land and in the *Konjaku monogatari shū* of the early 12th century. Then, in almost all major collections of *setsuwa*, tales about Genshin are found, with the early detailed narratives being replaced by brief descriptions of individual episodes from his life. The stories talk about how Genshin from a temple monk became a hermit, about his relationship with his mother, about the works of the Buddhist scribe and his meetings with other monks and lay people, about miracles at the hour of his death. The peculiarity of these tales is that Genshin does not always appear in them as the main character: he often plays the more modest role of *waki* wanderer, a guest of other monks, priests and laity: in response to his questions, they reveal their understanding of the Buddhist path.

Key words: Japanese Buddhism, Amidaism, Genshin, Japanese literature, *setsuwa* tales

Японские поучительные рассказы *сэцува* трудно отнести к достоверным источникам в современном смысле слова: их задача – верно передать то, что «говорили люди», а оценить правдивость их слов каждый читатель может сам. Обычно *сэцува* передаются не по отдельности, а в виде сборников, рассказы часто заимствуются из одного сборника в другой и в разных контекстах ведут к разным выводам. Героями их бывают и знаменитые люди, и безвестные; многие монахи-подвижники вошли в традицию только как персонажи *сэцува*. Но порой в рассказах действуют и исторические лица. Нам бы хотелось проследить судьбу одного из таких героев: монаха Гэнсина (он же общинный глава Эсин), наставника школы Тэндай, жившего на рубеже X–XI вв. Сочинения Гэнсина сохранились в ряду самых важных памятников буддийской мысли Японии; в дневниках и других источниках его времени есть немало упоминаний о нём. Считается, что он стал прототипом Настоятеля Ёкавы в «Повести о Гэндзи» («Гэндзи-моногатари»). По частоте упоминаний в сборниках *сэцува* Гэнсин занимает одно из первых мест среди японских монахов.

Жизнь Гэнсина и его жизнеописание

Обычно нынешние биографы Гэнсина отмечают следующие вехи его жизни¹. Он родился в 942 г. в краю Ямато (в окрестностях города Нара), отцом его был Урабэ-но Масатика 卜部正親, а мать принадлежала к роду Киёхара 清原; оба рода, старинные и знатные, в X в. уже не имели большого влияния при дворе, зато славились ученостью. В семье сын был один, а дочерей четыре: три из них стали монахинями, и о двух из них также есть рассказы *сэцува*. В 948 г. отец умер, а в 950 г. мальчика отправили учиться в школу Тэндай на гору Хиэй. Его наставником стал Рёгэн 良源 (912–985) – монах, чьими усилиями Тэндай стала самой влиятельной среди японских буддийских школ. Он преподавал ученику обе части учения Тэндай: традицию китайской школы Тяньтай, основанную на «Лотосовой сутре»², и традицию «тайнств», прикладных обрядовых наставлений. В 954 или 955 г. Гэнсин принял монашество, а уже в 956 г. выступал как один из наставников-чтецов 講師, *ко:си*, на чтениях «Лотосовой сутры» при дворе. Награду за то свое выступление – или за другое, более позднее³ – Гэнсин отослал матери, а та будто бы ответила стихами:

Илл. 1. Гэнсин (942–1017).

<i>Ноти-но ё-о</i>	К будущей жизни
<i>Ватасу хаси-то дзо</i>	Ты станешь мостом, –
<i>Омоиси ни</i>	Думала я.
<i>Ёватару со: то</i>	А ты стал монахом ради наживы:
<i>Нару дзо канасики</i>	Как горько!

«Стань же настоящим искателем Пути!» – призвала мать. Считается, что после этого Гэнсин отказался от карьеры служилого монаха и задумал уйти в отшельники, чтобы предаться «сосредоточению – памятованию о будде» 念仏三昧, *нэмбуцу саммай*, то есть созерцанию образа будды Амиды (Амитабхи) и молитвам о возрождении в Чистой земле, в краю Высшей Радости⁴. Местом его отшельничества стала молельня Эсин-ин 恵心院 близ пагоды Ёкава 横川 на горе Хиэй, отсюда его второе имя и прозвище. В 960-х – 970-х гг. Гэнсин, однако, выступал на придворных обрядах и диспутах, входил в число монахов «дворцовой молельни». В 983 г. умерла его мать, также ставшая монахиней, а в 984 г. Рёгэн, предчувствуя свою скорую кончину, побудил Гэнсина изложить учение о Чистой земле. В следующем году учитель умер, а Гэнсин закончил «Собрание главных сведений о возрождении» 往生要集,

«О:дзэ:ё:сю:» (ТСД 84, № 2682), первый в Японии амидаистский трактат. Этот труд будто бы получил признание не только в Японии, но и в Китае. В 986 г. Гэнсин составил «Правила для собрания двадцати пяти видов сосредоточения» 二十五三昧式, «Нидзю:го саммай-сики», – это сообщество почитателей будды Амиды незадолго перед тем основал мирянин Ёсисигэ-но Ясутанэ 慶滋保胤 (933–1002), известный, помимо прочего, и как собиратель рассказов сэцува [см.: Трубникова 2019].

В 1000 г. Гэнсин получил высокое звание «Мост Закона» 法橋, Хо:кэ:, в 1004 г. Фудзивара-но Митинага 藤原道長 (966–1028), тогдашний фактический правитель Японии, попытался назначить его на должность «исполняющего обязанности младшего общинного главы» 権少僧都, гон-сё:со:дзу, но Гэнсин отказался. В 1006 г. в «Главных положениях Единой колесницы» 一乘要訣, «Итидзё: ё:кэцу», он изложил учение «Лотосовой сутры», а в 1014 г. составил «Краткие заметки по сутре об Амиде» 阿弥陀経略記, «Амидакё: рьякки». В 1017 г. Гэнсин умер; перед смертью он будто бы лежал на правом боку, как Будда Сякамуни (Шакьямуни) в час ухода в нирвану, и держался за нить, привязанную к изображению «Амиды, выходящего из-за гор» 山越阿弥陀, Ямагоэ-Амида. С тех пор ведёт начало обычай ставить такие ширмы у постели умирающего.

Как и прочие жизнеописания знаменитых монахов, эта биография складывалась постепенно. К первым текстам, где появляется рассказ о жизни Гэнсина, Р. Родс относит четыре памятника XI – начала XII в. [Rhodes, 2001].

1. «Перечень тех, кто завязал связь в собрании Двадцати пяти видов сосредоточения в молельне Сю:рё:гон-ин» (首楞嚴院二十五三昧結縁過去帳, «Рё:гон-ин нидзю:го дзаммай кэтиэн како:тё:»). Эту книгу записей о кончине людей, входивших в «собрание двадцати пяти», начал сам Гэнсин, сделавший 44 записи, а затем ещё 7 записей добавили его ученики; запись о Гэнсине здесь самая длинная, её, вероятно, сделал Какутё: 覺超 (960–1034) вскоре после кончины учителя⁵.

2. «Записки о чудесах Сутры о Цветке Закона в великой стране Японии» (大日本国法華驗記, «Дай Нихон-коку Хоккэ гэнки», далее «Хоккэ гэнки») составил монах Тингэн 鎮源 (даты жизни неизвестны) в 1040-е гг. В этот сборник входит 129 историй о монахах и мирянах, которые читали «Лотосовую сутру»: читали её, переписывали, жили согласно её наставлениям. Рассказ о Гэнсине здесь помещен под номером 3–83⁶ [О:дзэ:дэн, 1995, 159–162]. В книге есть рассказ и о старшей сестре Гэнсина, монахине Гансай 願西 (3–100)⁷.

3. «Жизнеописание общинного старейшины Гэнсина из молельни Сю:рё:гон-ин храма Энрякудзи» (延暦寺首楞嚴院源信僧都伝, «Энрякудзи Сю:рё:гон-ин Гэнсин со:дзу дэн») принадлежит мирянину Ооэ-но Сукэкуни 大江佐国 (даты жизни неизвестны) около 1060 г.; в послесловии он пишет, что старался исправить неточности в жизнеописаниях Гэнсина, уже известных в свете, и опирался на рассказы монаха Кё:хана 慶範 из Ёкавы (ум. 1061), ученика Гэнсина.

4. «Продолжение преданий нашей страны о возрождении» (続本朝往生伝, «Дзоку хонтё: о:дзё:дэн») составил в 1100-х гг. другой мирянин из той же семьи Ооэ, знаменитый книжник Ооэ-но Масафуса 大江匡房 (1041–1111). Его книга продолжает сборник рассказов о подвижниках Чистой земли Ёсисигэ-но Ясутанэ, появившийся ещё при жизни Гэнсина в 985 г. У Масафусы рассказ о Гэнсине помещён

Илл. 2. «Будда Амида выходит из-за гор» («Ямагоэ Амида»). XIII в.

под номером 9 [О:дзё:дэн, 1995, 233–236], он ближе к историческому повествованию, нежели к преданию: в него включены выдержки их различных источников, в том числе из записи самого Гэнсина от 1013 г., где подсчитано, сколько раз за свою жизнь он читал какие сутры (подсчёт идет по свиткам: «Лотосовой сутры» – 8000 свитков, «Сутры об Амиде» – 10000 и т.д.). Также Масафуса перечисляет некоторые сочинения Гэнсина, говоря, что полный их перечень занял бы целый свиток. В эту же книгу под номером 40 вошел рассказ о монахине Гансё: 願證 (она же Аннё: 安養, 953–1034), младшей сестре Гэнсина [Там же, 252]⁸.

Из четырёх жизнеописаний для нас особенно интересно второе. «*Хоккэ гэнки*» иногда относят к сборникам *сэцува*, хотя для него можно выбрать и более строгое жанровое определение – *рэйгэнки* – «записки о чудесах». Однако многие из его историй включаются затем в «Собрание стародавних повестей» (今昔物語集, «*Кондзяку моногатари-сю*», 1120-е гг., далее «*Кондзяку*») – самый крупный свод *сэцува*, куда вошли истории о монахах и мирянах, о событиях начиная с эпохи Будды и до недавней поры, об Индии, Китае и Японии [Кондзяку, 1993–1999].

Гэнсин в «Стародавних повестях»

Рассказ о Гэнсине в «*Кондзяку*» помещён в 12-м свитке, втором по счету в японской части собрания. В свитке 11-м речь шла о начале японского буддизма: об основании школ и строительстве храмов. В начале 12-го свитка говорится о том, как в Японии впервые были проведены основные буддийские обряды, о чудесных статуях и картинах, а затем рассказчик переходит к чудесным книгам, из которых главная – «Лотосовая сутра». Завершающая часть свитка – это ещё и повествование о том, как в Японии складывались обычаи отшельничества. Хотя «Лотосовую сутру» читают и в крупных храмах, и при дворе, а школа Тэндай строит на ней свое учение, всё же главные свои чудеса эта книга являет тогда, когда человек безраздельно предан ей, не помышляет ни о чем ином. Рассказу о Гэнсине предшествуют две истории: о том, как сутра исцеляла больных и не сгорела при пожаре (12–30) и о страннике, умершем в горах, чьё тело истлело, но язык продолжал повторять слова сутры (12–31). Согласно первой из этих историй старшая сестра Гэнсина, монахиня Гансай, всю жизнь переписывала сутру и списки, изготовленные ею, являли чудеса.

Жизнеописание Гэнсина мы приведём целиком («*Кондзяку*», 12–32):

Рассказ об общинном главе Гэнсине из Ёкавы

В стародавние времена на горе Хиэй близ Ёкавы жил монах по имени Гэнсин, общинный глава. Родом он был из края Ямато, из уезда Кацураги-но симо. Отец его, Урабэ-но Масатика, о Пути [Будды] не помышлял, но сердцем был честен и прям. Мать была из рода Киёхара, у неё помыслы о Пути были весьма глубоки. Она родила много⁹ дочерей, но ни одного сына. А в уезде у них был храм Такао-дэра¹⁰; мать туда отправилась молиться о рождении мальчика. Во сне монах из насельников храма подал ей драгоценный камень, и она вскоре забеременела и родила сына. Этот сын и есть общинный глава Гэнсин.

Мальчик подрос и задумал уйти в монахи, испросил дозволения у родителей и стал подвижничать на Пути Будды. Затворился в храме Такао, три месяца в году соблюдал строгий пост¹¹ и однажды увидел сон. Будто он в храме, в сокровищнице, а там разные зеркала: большие и малые, ясные и мутные. И вот вышел монах, взял мутное зеркало и подаёт Гэнсину. Гэнсин во сне говорит ему: это зеркало маленькое и мутное, что я с ним буду делать? Возьми вон то большое и ясное зеркало и дай мне! А монах отвечает: то большое ясное зеркало – не твоя доля. Твоя доля – вот это! Скорее отнеси его на гору Хиэй, в Ёкаву, и там отчисти! Так он сказал, вручил зеркало – и тут Гэнсин проснулся.

Где эта Ёкава, он тогда ещё не знал, но полностью поверил сновидению. Но прошло время, в итоге Гэнсин уже почти забыл о нем – и вот по какому-то делу ему пришлось подняться на гору Хиэй. Там его увидел великий общинный старейшина Дзиэ из Ёкавы [Рё:гэн] – и встретил так, будто давно знал его, начал наставлять в верных учениях, явных и тайных. А Гэнсин по природе был умён, понимал его уроки ясно безмерно. Изучил явные наставления своей школы и других школ, принял тайное учение Истинных слов¹², глубоко проник в их сердцевины, добрался до самого дна!

И помыслы о Пути у Гэнсина были глубоки, а ещё он постоянно читал вслух и про себя «Сутру о Цветке Закона».

Так он много лет провел на горе, прославился как весьма ученый монах, тогдашний государь Итидзэ-ин¹³ прослышал, что Гэнсин – замечательный человек, призвал его и поручил вести обряды при дворе. Так Гэнсин стал общинным главой. Но он помышлял только о Пути, от славы был далек, службой тяготился и в итоге затворился в Ёкаве.

Потом он в тишине читал «Сутру о Цветке Закона», возглашал имя будды Амиды, молился лишь о просветлении в будущей жизни. Он написал книгу «Главные положения Единой колесницы» и в ней прояснил суть того, что все живые существа станут буддами; составил «Собрание главных сведений о возрождении», где учил, как надо стремиться к возрождению в краю Высшей Радости. Тогда во сне ему явился Каннон, Внимающий Звукам¹⁴, улыбнулся и протянул ему золотой цветок лотоса. А рядом стоял бог Бисямон¹⁵ и держал небесный зонтик. И таких достойных дел Гэнсин свершил немало.

И вот, уже под старость, Гэнсин тяжело заболел, шли дни, но он всё читал «Сутру о Цветке Закона», неустанно возглашал имя будды [Амиды]. В ту пору старик-монах из соседней кельи увидел во сне: монах с золотистой кожей сходит с неба, обращается к общинному главе и сердечно с ним беседует, а общинный глава ему отвечает, не вставая с ложа. Старик рассказал об этом сновидении.

А ещё один человек видел во сне, как вокруг общинного главы расцвели сотни, тысячи, десятки тысяч цветов лотоса. Кто-то спросил, глядя на эти цветы: что это за лотосы? А с неба голос отвечал: эти лотосы явил бодхисаттва Мё:он, Чудесный звук¹⁶. Общинный глава должен отправиться на Запад!

Когда настал его последний час, Гэнсин собрал выдающихся учёных монахов своей молельни и отшельников, сказал им:

– Эта жизнь моя скоро кончится. Если кто из вас сомневается насчёт каких-то мест из книг Закона, давайте разберём их толкования!

И тогда люди стали спрашивать о главном смысле книг Закона, и в их сердцах не осталось сомнений. А другие скорбели об общинном главе, вместе проливали слезы, горевали безмерно.

Потом, когда все они ушли, Гэнсин велел остаться только Кё:ю:, учителю таинств¹⁷, и тихонько сказал ему:

– Много лет я взращивал корни блага и все их хочу обратить к Высшей Радости, чтобы возродиться на третьей ступени высшего уровня возрождения¹⁸. Только что явились двое небесных отроков и молвили: мы – посланцы Мירוку с неба Тосоцу¹⁹. Ты, отшельник, всю жизнь хранил Цветок Закона, глубоко постиг основы Единой колесницы. За эти заслуги ты возродишься на небе Тосоцу. Мы пришли проводить тебя туда! А я ответил небесным отрокам: безграничное благо выросло из тех корней, если я могу родиться на небе Тосоцу, поклониться милосердному почитаемому [Мироку]! Но я много лет желал родиться в мире Высшей Радости, поклониться будде Амиде. А потому, молю, о милосердный почитаемый, соедини свои силы с моими, проводи меня в мир Высшей Радости! В мире Высшей Радости я стану чтить тебя, о Мירוку! А вы, отроки небесные, скорее вернитесь и передайте это милосердному почитаемому! Так я ответил, и отроки ушли восвояси.

Учитель таинств Кё:ю: слушал с безмерным почтением и скорбью. А общинный глава ещё сказал:

– В последнее время несколько раз являлся Внимающий Звукам.

Кёю залился слезами и отвечал:

– Без сомнения, ты возродишься в краю Высшей Радости!

Потом общинный глава скончался. В тот час в небе сгустились багряные облака, раздались звуки музыки. Благоухание наполнило келью. Это было в первый год Каннин [1017 г.] в десятый день шестого месяца, от часа Быка до часа Тигра [с часа до пяти пополуночи]. Лет Гэнсину было семьдесят шесть. Воистину, удивительно! Так передают этот рассказ.

Здесь примечательны все подробности. Сновидение матери отсылает и к истории царицы Майи, матери Будды (в «Кондзяку» это рассказ 1–2), и к истории чудесного рождения царевича Сётоку – воплощения бодхисаттвы Каннон, основателя японского буддизма («Кондзяку» 11–1), и к преданиям о многих других великих подвижниках. Сон юного затворника о зеркалах, вероятно, следует толковать, имея в виду, что с зеркалом буддийские наставники (особенно часто – в школах Тяньтай и Тэндай) сравнивают сердце человека, когда говорят об «исконной просветлённости»; на поверхности зеркала могут мелькать разные образы, сама она может быть чистой или мутной, но природа его, та «медь», из которого оно состоит, нерушима, она – та же самая, что природа будды [см.: Трубникова 2010]. В рассказе юноше достаётся изначально мутное зеркало, его предстоит очистить учёбой и подвижничеством. Отметим, что усердие в учёбе ещё не означает, что у ученика пробудились «помыслы о Пути» 道心, до:син, решимость пройти Путь Будды и достичь освобождения; Гэнсин, однако, такую решимость имеет.

Как и в других жизнеописаниях Гэнсина и вообще в рассказах о тех, кто возродился в Чистой земле, смерти подвижника уделяется не меньше внимания, чем его жизни. Будущую участь монаха предвещают сновидения других людей; таких историй немало в 15-м свитке «Кондзяку». Предсмертная беседа Гэнсина с книжниками и отшельниками имеет прообразом последние наставления Будды перед нирваной (в «Кондзяку» серия рассказов об этом завершает свиток 3-й). А вот эпизод «выбора рая» для японских жизнеописаний необычен. Здесь сталкиваются две традиции: согласно одной из них, хранитель «Лотосовой сутры» возрождается на небе близ будущего будды Мироку, чтобы в должный срок вместе с ним вернуться в мир людей, а согласно другой – уходит в Чистую землю Амиды. Из самой «Лотосовой сутры» можно вывести оба этих толкования; рассказы сэцува обычно следуют либо одному, либо другому, и второму, по нашим подсчётам, чаще. Но Гэнсин здесь может сам сделать выбор.

От версии «Записок о чудесах Лотосовой сутры» рассказ «Кондзяку» отличается, помимо небольших разночтений, в двух местах. Во-первых, здесь сокращено описание ученичества Гэнсина, в исходном тексте оно звучит так: «Читал книги Закона про себя и вслух. Ясно понимал их глубокие значения, без препятствий мог раскрыть и прочесть любую книгу, любую строку. Полностью овладел пятью видами достоинств учителя Дхармы²⁰, в совершенстве освоил четыре вида сосредоточения²¹, добрался до самого дна учений своей школы и других школ, постиг суть явных и тайных наставлений. Так он сделался опорой Закона Будды, вместил корни блага. В расцвете лет он отвратился от славы и выгоды, ушёл далеко за горные врата. Жемчужины заповедей и уставов нанизал на нить и ими себя украсил, зеркало мудрости очистил и в нём увидел три тысячи миров»²². Во-вторых, пропущено одно из видений. После того, как Гэнсин составляет «Главные положения Единой колесницы», ему являются индийские наставники махаяны, Ашвагхоша и Нагарджуна, а также Сайтё; основатель школы Тэндай в Японии. Таким образом, в «Хоккэ гэнки» оба главных сочинения Гэнсина получают высшее одобрение; в «Кондзяку» же акцент смещён на «Собрание главных сведений о возрождении».

За рассказом о Гэнсине в «Кондзяку» следуют истории двух его старших современников. Монах Дзо:га 増賀 (917–1003) родом из столицы являл чудеса ещё в детстве, затем учился в школе Тэндай, потом ушёл в отшельники и постоянно читал «Лотосовую сутру»; в келью к нему являлись наставники школы Тяньтай прежних веков и ободряли в его подвижнических трудах. Его пригласили ко двору, но он там стал бесчинствовать, как безумец, и его отпустили. Встречая смертный час, Дзо:га радовался, что скоро сбудется его давнее желание – возродиться в Чистой земле; после смерти он явился ученику и сообщил, что так и случилось (12–33). Монах Сё:ку: 性空 (910–1007) из знатного рода Татибана родился с иголкой в руке; учился в школе Тэндай, потом стал отшельником и всецело сосредоточился на чтении «Лотосовой сутры». Ему служил посланец бога Бисямона, в келье его являлось немало чудес. Сё:ку: пытались вызвать во дворец исцелить государя, но он стал горько каяться, что нарушит обет отшельничества, и посланец в итоге уехал ни с чем. Другой государь после отречения принял монашество и посетил Сё:ку:; заказал живописцу

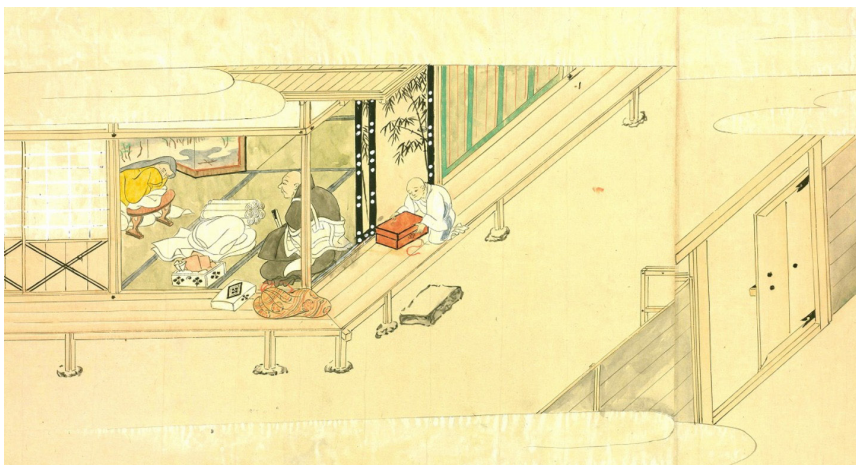
портрет отшельника – и во время работы над картиной случилось землетрясение, подтверждавшее её чудесные свойства. Перед смертью Сё:ку: созвал к себе монахов и попросил прочесть и истолковать «Лотосовую сутру»; руководить чтениями он пригласил Гэнсина, а потом в качестве дара преподнёс ему иголку. Гэнсин спросил, почему так, а Сё:ку: ответил: с этой иглой я родился. Вскоре отшельник скончался, читая сутру (12–34)²³. Эпизод с иголкой отсылает к рассказу 4–25, об индийских наставниках Нагарджуна и Арьядеве: в поисках учителя Арьядева приходит из дальних краев, Нагарджуна велит службе подать ему чашку воды, странник вынимает из воротника иголку, бросает в чашку и возвращает (и позже этот безмолвный диалог будет по-разному истолкован во множестве текстов). Так жизнеописания Гэнсина и его современников встраиваются в «большую» историю буддийского учения. Каждый из героев показывает, насколько по-разному можно следовать пути отшельничества: монах-книжник, монах-безумец, наставник, принимающий гостей у себя в келье; дальше появятся сострадательный подвижник (12–35), собеседник богов (12–36) и другие. Отметим, что в рассказе о Сё:ку: Гэнсин действует как второстепенный персонаж: его можно сравнить со «странником» *ваки* в пьесах театра Но, чья роль – задавать вопросы, на которые отвечает главный герой, *ситэ*. Подобная роль вообще не свойственна в *сэцува* знаменитым монахам, но Гэнсин в этой роли появляется часто, это мы ещё увидим.

В следующий раз Гэнсин в «*Кондзяку*» действует в рассказе 14–39. Он и его собратья по общине в Ёкаве решают переписать «Сутру о нирване»²⁴, каждый по одному свитку. К ним присоединяются другие монахи школы Тэндай, всего получается пятнадцать полных списков сутры. Обряд поднесения свитков общине справляют весьма торжественно; Гэнсин и монах Дзицуин 実因 (945–1000), первым подержавший замысел монахов Ёкавы, долго спорят, учтиво уступая друг другу право вести обряд. Наконец Гэнсин соглашается, хотя и говорит, что выступать будет лишь «подобно тени». Он поднимается – и все видят, как скромно он одет (а Гэнсин всюду в этом рассказе именуется «монахом дворцовой молельни», ему подобало бы роскошное облачение). Собравшиеся шепчутся: должно быть, так выглядел в древности сам Кашьяпа! И это сравнение с ближайшим учеником Будды было бы весьма лестно, если бы читатель «*Кондзяку*» не помнил рассказа 3–32, где Кашьяпа опоздал к смертному одру Учителя, не увиделся с ним перед нирваной. Итак, Гэнсин проповедует, люди говорят, что ощущают себя словно бы в той самой роще, где ученики оплакивали Будду, все плачут – и Гэнсин вместе с ними. А Дзицуин потом замечает: не напрасно я отказался, заставить слушателей вот так прослезиться я бы не смог. Буду же отныне дорожить тем, что завязал с ними связь! – заключает Дзицуин и тоже плачет. В свитке 14-м этот рассказ выделяется тем, что в нем не происходит никакого чуда; предшествующие рассказы повествуют о чудесах разных сутр, а в рассказе 14–40 речь идёт о соперничестве двух чудотворцев, правда, побеждает не сильнейший, а более хитрый.

Следующий свиток, 15-й, весь посвящён рассказам о возрождении в Чистой земле, жанру *о:дзё:дэн*; его основу составляют те самые истории, которые собирал Ёсисигэ-но Ясутанэ. В рассказе 15–39 Гэнсин действует как почтительный сын. В «*Кондзяку*» эта тема звучит постоянно: принимая монашество, человек не обязательно разрывает семейные связи, наоборот, может сделать для родных больше, чем если остался бы дома, а именно – позаботиться об их посмертной участи. Тем самым отвергается основной упрёк, который обращали к буддистам конфуцианцы. В жизнеописании Будды (в свитках с 1-го по 3-й) постоянно говорится о том, каким Сякамуни был хорошим сыном, братом, отцом – и даже после ухода в нирвану встал из гроба, чтобы в последний раз поклониться давно умершей матери. Семейные связи Гэнсина для рассказчиков тоже важны. Для *сэцува* построение этого рассказа необычно: место диалога здесь занимает обмен письмами.

**Рассказ о том, как возродилась
мать общинного главы Гэнсина из Ёкавы**

В стародавние времена жил общинный глава Гэнсин из Ёкавы, уроженец уезда Кадзураки-но симо в краю Ямато. Юным он поднялся на гору Хиэй, учился,

Илл. 3. Гэнсин и его мать. Из «Книги с картинками об общинном главе Эсине» (恵心僧都絵巻, «Эсин со:дзу эмаки», XVI в. (?)).

стал замечательным книжником, его призвали во дворец провести восьмеричные чтения для принцессы Сандзё; государевой супруги²⁵.

После восьмеричных чтений он отделил небольшую часть полученных драгоценных даров и отправил матери в край Ямато со словами: это – пожалованья от госпожи принцессы за восьмеричные чтения. Такие дары я получил в первый раз, хочу сначала показать тебе! А мать в ответ: «Вещи, что ты прислал, я с радостью получила. Ты стал выдающимся книжником, я этому рада безмерно. Но, по правде говоря, проводить при дворе эти и подобные чтения, стать учителем Закона и прославиться – не то, чего я изначально тебе желала. Пусть тебя считают замечательным учёным, мне, старухе, это не по сердцу. Вот что я думаю: дочерей у меня много, а сын один. Я не стала делать тебе взрослую причёску²⁶, а отослала на гору Хиэй, чтобы ты выучился, развил свои дарования, подобно святому мудрецу из Тономинэ²⁷, стал достойным отшельником и спас бы меня в будущей жизни. Так я думала, а ты теперь знаменитый монах, слава твоя растет, и это – вопреки моему замыслу. Я уже стара, и, если бы ты, пока я жива, стал святым отшельником, я, глядя на тебя, умерла бы со спокойным сердцем. Вот чего я хочу».

Так она написала. Общинный глава получил её письмо, читал и плакал, а потом в слезах написал ответ: «Я, Гэнсин, вовсе не хотел сделаться знаменитым монахом. Я желал только, пока ты, госпожа моя монахиня, жива, дать тебе знать, как я преуспел, проведя восемь чтений при дворе. Это желание в моем сердце было глубоко, вот я сразу и написал, но раз, как ты пишешь, тебя это весьма огорчило и опечалило, я рад! Последую твоему велению, затворюсь теперь на горе, стану отшельником. Отныне я приду к тебе, только если захочешь повидаться. А если нет – не уйду с горы. Воистину, хоть и зову я тебя матерью – но ты исключительно добрый человек!»

И отослал матери. В ответном письме говорилось: «Теперь я спокойна и с миром думаю о Темной дороге²⁸, снова и снова радуюсь твоим словам. Нипочём не поддавайся суете!».

Общинный глава это прочёл, оба письма матери спрятал в книгу Закона, иногда доставал, перечитывал и плакал. Он затворился на горе и провёл там шесть лет. На седьмой год весной он послал весточку матери: «Шесть лет я прожил затворником на горе. Давно не видел тебя, должно быть, ты соскучилась. А потому в скором времени навещу тебя». Мать отвечала: «В самом деле, я скучаю по тебе, как ты понимаешь, но видеть и слышать тебя не хочу, это было бы грешно. Я просто буду знать, что ты живёшь затворником на горе, и этому радоваться. Так что пока не позову, не приезжай». Общинный глава прочёл это и думает: госпожа-монахиня – воистину необычный человек! У кого ещё на свете мать сказала бы такое? И остался на горе, так прошло девять лет.

Она велела: не приезжай, пока не позову, – но он тревожился, тосковал, и однажды, скучая по матери, вдруг подумал: а что, если подойдёт срок госпоже-монахине скончаться? А что, если я умру? Так он в печали думал и решил: хоть она и велела не приезжать, я всё-таки побываю у неё! Отправился в путь, въехал в край Ямато, а на дороге навстречу ему – гонец с письмом. Общинный глава его спрашивает: куда путь держишь? А он говорит: меня отправили с письмом к сыну такой-то госпожи-монахини, досточтимому монаху в Ёкаве. Так это я! – говорит Гэнсин, взял письмо, не слезая с коня, на ходу развернул, заглянул – а почерк не матушкин, писал кто-то чужой.

У Гэнсина нутро заныло. Думает: что случилось? И читает: «В последние дни отчего-то я занемогла, думаю: может, простудилась? Или это старость? В два или три дня сдала, сил нет. Хоть я настрого тебе велела не приезжать, пока не разрешу, но близится мой срок, и ты, я думаю, будешь безмерно тосковать, если я умру, а мы с тобой так больше и не повидаемся. Поэтому поспеши!»

Он читает и думает: этого я и боялся! Раз так – значит, так. Говорят, трогает сердца клятва между родителями и детьми; мать моя так твёрдо решила идти по пути Будды – вот я и решил... Думает так, а слезы льются дождём. С ним было двое или трое учеников, книжников, они говорят: раз так, поспешим! И поскакали, торопя коней, и к закату дня прибыли на место.

Скорее подошли, смотрят – а мать совсем слаба, едва дышит. Общинный глава громко объявил: я приехал! Госпожа-монахиня ему: как же ты успел так скоро? Я ведь только сегодня утром отправила гонца! Общинный глава говорит: так уж вышло, в последнее время я по тебе скучал, вот и выехал, а по дороге встретил гонца. Госпожа-монахиня это слышит и молвит, едва дыша:

– Как хорошо... Я уж думала: неужто пришло время умирать, а мы с тобой не увидимся? Но вот, увиделись. Оттого ли, что клятва крепка и трогает сердца? Общинный глава отвечает:

– Молишься ли ты, памятуя о будде?

Монахиня ему:

– В сердце своём я молилась бы, да сил нет и некому поддержать.

Общинный глава сказал ей: достойное дело. И поддержал её молитву. Госпожа-монахиня истово обратила помыслы к Пути, возгласила молитву сто или двести раз, начало светать – и она умерла, будто истаяла. Общинный глава говорит:

– Если бы я не приехал, не таков был бы смертный час госпожи-монахини. Крепка между нами связь родительницы и ребёнка, я приехал, мы повидались, я помог ей молиться, у неё пробудились помыслы о Пути, и она скончалась, возгласив молитву, а значит, без сомнения, возродилась в Чистой земле. И конечно, последний час она встретила так достойно потому, что была у неё решимость побудить меня встать на путь отшельничества. Итак, родители для детей, дети для родителей – безмерно добрые и мудрые друзья!²⁹

Говорил и плакал, заливался слезами.

Потом он семижды семь дней творил поминальные обряды, а когда завершил их, вместе с учениками вернулся в Ёкаву. Отшельники в Ёкаве, услышав об этом, говорили с почтением: сколь трогательна клятва между родителями и детьми! – и плакали. Так передают этот рассказ.

Отметим в этом рассказе парадоксальную радость сына от горьких слов матери: её упрёки согласуются с тем, чего хочет он сам. Сын чувствует, когда пора отправиться к матери: этот мотив отсылает к китайским преданиям о почтительных детях, в «Кондзяку» они собраны в свитке 9-м.

Гэнсин появляется в «Кондзяку» ещё в одном рассказе и снова во второстепенной роли. Свиток 19-й посвящен тому, как разные люди уходили в монахи: не в детстве, как Гэнсин, а уже взрослыми. В рассказе 19-4 действует знатный воин Минамото-но Мицунака 源満仲 (ум. 997), прежний наместник края Сэтцу. Один из его сыновей, ставший монахом, печалится о многочисленных грехах отца и договаривается с Гэнсином, чтобы тот будто бы случайно зашёл в дом к Мицунаке и прочёл для него проповедь. Гэнсин соглашается, вместе с ещё двумя монахами

приходит в гости, проповедует – и Мицунака отбрасывает прочь доспехи и оружие, велит отпустить на волю ловчих соколов, а сам становится монахом в миру. С одной из версий этой истории мы ещё встретимся.

Круг составителей «Кондзяку» неизвестен, скорее всего, над этим огромным собранием работало несколько книжников, монахи и миряне вместе. Дальше мы будем говорить об авторских сборниках *сэцува*.

Гэнсин в сборниках рассказов XIII в.

Следующий сборник, где появляются рассказы о Гэнсине, – это «Беседы о делах старины» 古事談, «Кодзидан», мирянина Минамото-но Акиканэ 源頭兼 (1160–1215); см.: [Кодзидан, 2005; Коляда, 2020]. От «Кондзяку» его отличает прежде всего исключительная краткость: на смену обстоятельным рассказам здесь приходят сообщения в несколько строк, как правило без выводов. Сборник делится на шесть тематических разделов: о правителях, сановниках, монахах, воинах, жрецах и мастерах различных искусств. В монашеском разделе Гэнсину посвящена серия из семи рассказов – самая длинная. Несколько рассказов из неё были потом заимствованы в «Сборник наставлений в десяти разделах» 十訓抄, «Дзиккинсё:» 1252 г. (составитель – Рокухара Дзиро:дзаэмон)³⁰. Если у Акиканэ цель книги не обозначена, то «Дзиккинсё:» заявлен как книга наставлений для юношества и делится на разделы о доброте, верности, дружбе, о том, как развить свои таланты и т.д.

В «Кодзидан» Гэнсин впервые появляется в рассказе 3–21: по просьбе государя монахи молятся о дожде в пору засухи, причём по обычаю моления должны проходить в дворцовом саду, но Гэнсин остаётся молиться у себя в келье, а во дворец отправляет ученика. Далее следует рассказ о Рё:гэне – во сне некоему человеку открылось, что учитель Гэнсина был драконом в человеческом облике. Затем начинается череда историй о Гэнсине.

В первой из них (3–24)³¹ он действует вместе с товарищем по учёбе, монахом Какууном 覚運 (953–1007). Сожалея о невежестве старшего собрата – уже известного нам отшельника Сё:ку: – эти двое приходят, чтобы преподать ему Закон. Гости спрашивают: «Войдёт ли на место рядом с буддой подвижник-одиночка, живущий плодами святости?» – имея в виду подвижника, который ищет освобождения только для себя, ведёт праведную жизнь и пожинает её плоды, но не пытается заботиться о других. Отшельник отвечает: «Войдёт или не войдёт, может, да, а может, нет. Это не важно». Гости объясняют цель своего прихода, и Сё:ку: их успокаивает: проповедовать Закон ко мне приходит сам бодхисаттва Фугэн (Самантабхадра), защитник всех почитателей «Лotosовой сутры». Тогда по просьбе Гэнсина Какуун возносит хвалу отшельнику словами из сутры: «Цвет их тел || Величественнейший и прекраснейший, || Был подобен цвету гор из золота, || Как будто среди чистой ляпис-лазури || Появились статуи, || Сделанные из чистого золота» (перевод А.Н. Игнатовича) [Лotosовая сутра 1998, 93]. Отметим здесь сравнение со статуями: этот мотив будет важен для следующих историй.

В рассказе 3–25³² Гэнсин узнаёт, что в горах Кимпусэн живёт вещая жрица богов *ками*, приходит к ней и спрашивает: каково желание моего сердца? Подобный вопрос не должен удивлять, если иметь в виду традицию совместного почитания богов и будд в Японии. Жрица отвечает песней:

<i>Дзю: ман: оку-но</i>	За бесчисленные
<i>Куни-гуни ва</i>	Земли и страны,
<i>Кайдзан хэдатэтэ</i>	За моря и горы –
<i>Тоокэрэдо</i>	Так далеко идти!
<i>Короко-но мити-но</i>	Но если путь сердца
<i>Наокэрэба</i>	Верен и прям –
<i>Цутомэтэ итару</i>	Постараешься и дойдешь!
<i>То косо кикэ</i>	Так услышь же!

Здесь боги устами прорицательницы не просто раскрывают помыслы монаха, но и подтверждают, что его желание сбудется.

В следующем рассказе (3–26) Гэнсин отвечает собрату-монаху на вопрос, что нужно сделать для возрождения в Чистой земле. Хотя известно, что будда Амида обещал возрождение всем, кто в молитве повторяет его имя, Гэнсин говорит не об этом, а предлагает вместе изготовить образ Амиды «в один *дзэ*: и шесть *сяку*» (около 4,8 м)³³; так они и поступают, и монах возрождается в Чистой земле, а образ с тех пор хранится в Ёкаве.

Согласно рассказу 3–27, Гэнсин первым придумал обряд «встречи будды Амиды» 仰講, *мукаэ-ко*: У него было маленькое изваяние Амиды, размером всего в три *сун* (9 см), Гэнсин привязывал его веревкой к ножкам «подлокотника» 脇息, *кё:соку* (предмета мебели в виде небольшой скамейки, на неё монах опирается локтем, сидя на полу), тянул за верёвку и двигал: казалось, будда идёт к нему. Увидев это, другой монах пробудился сердцем и впервые устроил обряд, где лицедеи играли роли Амиды и сопровождающих его бодхисаттв, приходящих к человеку в час кончины, чтобы встретить его на пути в рай.

В рассказе 3–28 младшая сестра Гэнсина, монахиня Аннё:, возносит молитвы бодхисаттве Дзидзо: (Кшитигарбхе) в восьмой день месяца, а не в двадцать четвертый, как принято. Гэнсин спрашивает, почему так, и она отвечает:

<i>Майнити-ни</i>	Если стараться
<i>Тобурау нарэба</i>	Каждый день,
<i>Хи-мо сасадзу</i>	То можно дня не высчитывать:
<i>Кокоро-но окуру</i>	Всякое время – пора
<i>Токи-о токи-нитэ</i>	Для пробуждения сердца!

Эти слова применимы и к любому обряду; сестра здесь оказывается мудрее брата.

Рассказ 3–29 входит также в сборники преданий о чудесах Дзидзо:. Храмовый служка внезапно умирает, Гэнсин возносит молитвы милосердному Дзидзо:, а другого монаха просит прочесть заклęcia, обращённые к грозному Фудо: (Ачаланатхе) – «светлому государю» (видьярадже), чтимому в «тайнствах». Служка оживает и рассказывает, как его вели в ад на посмертный суд, но вдруг явились отроки, спутники Фудо:, и отогнали служителей ада, а Дзидзо вывел его обратно в мир живых. Пути почитания Дзидзо: и Фудо: в Японии мыслятся как дополняющие друг друга, и Гэнсину ближе первый из них, мягкий, а второй, жёсткий, в разных рассказах представляют разные знатоки буддийских «тайнств» (ср. ниже). Выбор обряда определяется здесь не только нуждами того, о ком молятся, но и собственными склонностями молящихся.

В рассказе 3–30³⁴ Гэнсин и монах Кё:дзо: 慶祚 (955–1019) из храма Миидэра дают клятву: сообщить друг другу, когда придёт им срок «сменить земное пристанище на иное». И вот однажды Кё:дзо:, выйдя ночью за чистой водой для обряда, ощущает в воздухе благоухание и слышит стихи:

我是極樂	В этой стране Высшей Радости
久住菩薩	Я долго жил как бодхисаттва.
化緣已尽	Срок жизни во временном облике уже окончен,
還生極樂	Я снова родился в стране Высшей Радости!

Кё:дзо: посылает служку в Ёкаву и тот возвращается с вестью: Гэнсин этой ночью умер. Здесь Гэнсин предстаёт как бодхисаттва, лишь на время сошедший в мир людей. Между горой Хиэй и храмом Миидэра многие годы длилась распря из-за

старшинства их традиций, права назначать главу школы Тэндай и проводить монашеские посвящения; тем ценнее для повествователя дружба между монахами из двух враждующих ветвей школы.

Илл. 4. Гэнсин является монаху Кё:дзо:
Из книги «Предания о семи достойных монахах трех стран
с картинками» (三国七高僧図会伝, «Сангоку ситико:со: дзудэн»).

Короткий рассказ 3–31 сообщает: когда Кё:дзо: читал «Лотосовую сутру», она излучала чудесный свет. Затем повествователь возвращается к Гэнсину. В рассказе 3–32 монахиня Аннё: пишет брату, что тяжело больна и хочет проститься перед смертью. На гору Хиэй путь женщинам закрыт, и Гэнсин назначает встречу у подножия горы. Монахиню приносят в паланкине, и Гэнсин видит, что она умерла в дороге. В смятении он велит нести паланкин к келье знатока «тайнств», монаха Сайги 清義 (или 齋祇)³⁵ из храма Миидэра, живущего неподалеку. Сайги читает заклятия Фудо:, сам Гэнсин молится бодхисаттве Дзидзо: – и монахиня оживает. Она рассказывает, как Дзидзо: вывел её из палат, где судят умерших, а Фудо: стоял на страже. В благодарность Гэнсин отдаёт Сайги своё монашеское облачение (здесь – роскошное), а взамен берёт у Сайги простой отшельничий плащ. Провожая Гэнсина, Сайги вспоминает, как однажды на чтениях при дворе Гэнсин задал ему вопрос, а он не смог ответить. Он усмехается и говорит: что было сегодня, не похоже на диспуты прежних лет! – и Гэнсин смеётся в ответ. А сестре его предстоит прожить ещё много лет, мирно скончаться и возродиться в Чистой земле. Для рассказчика здесь важно, что монахи не просто следуют разным обрядам, но и опять-таки принадлежат к соперничающим храмам, что не мешает им молиться вместе.

В разделе о воинах в «Кодзидан» рассказ о постриге Минамото-но Мицунаки (ср. выше) тоже есть, он сокращён по сравнению с версией «Кондзяку», но дополнен такой подробностью: когда Гэнсин вручает воину заповеди, тот притворяется, что задремал в тот миг, когда звучит заповедь «не убивать живого»; уже приняв монашество, он объясняет Гэнсину, что поступил так, не желая навлечь на себя презрение своих людей (4–2).

Подвести итог этой серии рассказов можно цитатой из «Дзиккинсё:». В рассказе 10–74 из раздела «Нужно ценить дарования» говорится о превратностях судьбы воина. В конце приведены следующие слова: «Подобно тому, как войско строится к бою, но разбегается при виде вражеских мечей; как луна отражается в воде, но дробится, следуя движению волн», – так же и человек не имеет устойчивого образа. Рассказчик сообщает, что это – слова Гэнсина из «Собрания главных сведений

о возрождении»³⁶. В «Кодзидан» и вслед за ним в «Дзиккинсё» монах Гэнсин, будь он человек или бодхисаттва, не имеет устойчивых черт, и как кажется, даже устойчивых взглядов; его поступки определяются тем, с какими людьми он встречается. В «Кодзидан», выстроенные в ряд, эти истории показывают, как по-разному может вести себя монах в разных обстоятельствах; в «Дзиккинсё», разбросанные по разным разделам, они же подтверждают, что основные человеческие добродетели (сострадание, верность в дружбе, прямота) полезны в том числе и монаху.

Примерно в те же годы, что и «Кодзидан», появляется «Собрание пробужденного сердца» (発心集, «Хоссинсю») Камо-но Тё:мэя 鴨長明 (1155–1216), автора «Записок из кельи» (方丈記, «Хо:дзё:ки»), известных отечественному читателю по переводу академика Н.И. Конрада. В «Хоссинсю» собраны истории о том, как разные люди принимали решение встать на Путь Будды [Камо-но Тё:мэй, 2016]. Гэнсин здесь действует в двух рассказах, отчасти они похожи на истории из «Кондзяку», но есть и важные отличия.

В первом из них появляется странствующий монах Ку:я 空也 (903–972), тот самый, кого изображает знаменитая статуя из киотского храма Рокухарамидзу. Если Гэнсина считают основателем ученой традиции амидаизма, то Ку:я почитают как странника, учившего простых людей простому обряду *нэмбуцу* – возгласению слов «Слава будде Амиде», *Наму Амида буцу*.

7-1 (76). Как общинный глава Эсин побывал у святого Ку:я

Общинный глава Эсин давно уже решил: надо мне увидеть святого Ку:я. И пришёл к нему. А тот стар, величествен, не выглядит обычным человеком.

И так величав был его вид, что Эсин заговорил о делах будущей жизни:

– Я всеми помыслами стремлюсь в край Высшей Радости. Смогу ли я возродиться?

Так он спросил, а Ку:я ответил:

– Я не мудр. Как я могу судить о таком? Но я слышал, что говорили мудрые, и если мерить их мерками – то почему бы тебе не возродиться? Вот в чём причина. Человек упражняется в шести созерцаниях³⁷, хочет утвердиться в высшем мире: на нижних ступенях вражда, страдания, помехи, на верхних – покой, благодать, отрешённость; так он верит, нижних ступеней с отвращением избегает, верхние ценит и стремится к ним. Силой такого созерцания он постепенно продвигается вверх, достигает уровня, где нет ни мысли, ни безмыслия³⁸. И идущий к Западу тоже таков. Даже без мудрости и без подвижнических заслуг, если отворачивается от грязных земель и всеми помыслами устремится к Чистой земле – отчего бы ему там не возродиться?

Общинный глава выслушал это, подумал: воистину, он прав как никто! Залил слезами, соединил ладони, ища прибежища [у святого].

Эсин составил «Собрание сведений о возрождении», где, помня об этом разговоре, на первое место поставил отвращение к грязным землям и стремление к Чистой земле³⁹.

Здесь Гэнсин опять выступает в роли вопрошателя, а главная его книга оказывается итогом и его собственных книжных изысканий, и подвижнических трудов Ку:я, традиции книжников и странников в ней смыкаются.

Илл. 5. Странник Ку:я. Статуя из храма Рокухарамидзу. XIII в.

Во втором рассказе говорится о матери Гэнсина. Можно было бы сказать, что здесь кратко изложен рассказ 15–39 из «*Кондзяку*», но мы, скорее, согласны с Янасэ Кадзуо, что это две разные версии одних и тех же событий [Янасэ 1958].

**7–9 (84) Как общинный глава Эсина
последовал замыслу матери и удалился от мира**

У общинного главы Эсина на руках была старая немощная мать.

Решимость его была крепка, но дела складывались так, что он о матери не заботился так, как хотел бы, не бывал у неё; и вот его позвали руководить обрядом у кого-то знатного, он получил много подношений, обрадовался, тотчас привёз это всё к матери и вручил ей.

А мать еле-еле сводила концы с концами. Он думал: как она обрадуется! А она, увидев подношения, вдруг отвернулась и горько заплакала. Сын не понял, подумал: это ты от избытка радости? Медлил, а мать сказала:

– Имея сына-монаха, я много лет жила, надеясь, что он будет мне подмогой в будущей жизни. Так нет, пришлось мне увидеть его дела, что ведут в ад! И во сне мне такое не снилось!

И не договорила, всё плакала.

Общинный глава это услышал, и сердце его пробудилось, он удалился от мира. Редкостное сердце было у его матери!

Отметим разницу между обрядом, проводимым при дворе (как в «*Кондзяку*») – и просто «у кого-то знатного» (*сикарубэки тогоро*), как здесь. Для школы Тэндай с самого её основания в IX в. главной задачей была «защита страны», в том числе правящего рода, так что в «*Кондзяку*» Гэнсин исполняет свой школьный долг и получает за это прежде всего славу, а награда служит лишь зримым выражением славы. А в «*Хоссинсю*:» получается, что монах гонится прежде всего за выгодой, и эта дорога ведёт в ад. Здесь исчезает и второй важный для «*Кондзяку*» мотив: отказ матери видеться с сыном, её увещевание оставить заботы нынешней жизни ради жизни будущей. Зато в «*Хоссинсю*:» прямо говорится о «решимости» сына 志, *кокородзаси*, о «почтительной заботе» о родительнице 孝養, *ко:ё:*; оба эти понятия отсылают к конфуцианским историям о сыновней почтительности. Конфликт оказывается проще и острее, чем в «*Кондзяку*», в таком виде – печься о насущных нуждах родных или об их спасении – выбор стоит не только перед монахом-книжником, но и перед любым человеком. Разрешается конфликт уходом в отшельники 遁世, *тонсэй*.

Из более поздних сборников нельзя не упомянуть «*Рассказы, собранные в Удзи*» (宇治拾遺物語, «*Удзи сю:и-моногатари*») середины XIII в., хотя бы потому, что эта книга считается из всех собраний *сэцува* наиболее литературно совершенной. Рассказов о Гэнсине как таковых здесь нет, но упомянут он в первом же рассказе. Беспутный монах из знатного рода проводит ночь со знаменитой поэтессой и роковой красавицей Идзуми Сикибу (X–XI вв.), а заодно читает для неё «*Лотосовую сутру*». Во сне монаху является местное божество, благодарит и объясняет: когда сутру читают монахи, чистые и телом, и помыслами, слушать их собираются неисчислимые сонмы богов, и мне через такую толпу не пробиться, а тебя я сегодня смог послушать в своё удовольствие! Рассказчик подытоживает, ссылаясь на Гэнсина: когда возглашаешь имя будды или читаешь сутру, заповедей нарушать нельзя. Такой итог звучит иронически – ведь именно беспутство монаха помогло божеству – и сама по себе мысль тривиальная, но в XIII в. уже широко был известен иной извод амидаизма, согласно которому в наставшем «злом веке» бессмысленно пытаться соблюдать заповеди и вести чистую жизнь, а надеяться можно лишь на спасительную силу будды Амиды. Здесь Гэнсин выступает как представитель старого буддийского учения, защитник тех азбучных истин, которые пора прочесть по-новому.

Когда именно начался «злой век»? Японские наставники на этот вопрос отвечают по-разному, но многие из них ведут отсчёт от 1052 г., когда, по их выкладкам, минуло две тысячи лет с ухода Будды в нирвану. Получается, что Гэнсин жил пусть и не в праведные времена, но в пору, когда «подобие Закона» ещё сохранялось.

Его век, правление государя Итидзё; Фудзивара-но Митинаги и их ближайших преемников, в XIII в. у многих авторов предстаёт как последняя блестящая эпоха, а может быть, и как самая прекрасная в истории Японии. «Сборник избранных рассказов» (撰集抄, «Сэндзю:сё:», ок. 1250 г.), как во многом и «Дзиккинсё:», выстраивает картину той эпохи. В рассказе 8–34 здесь описано еще одно чудо после кончины Гэнсина. На груди монаха являются три цветка голубого лотоса – знак возрождения в Чистой земле. Юный государь Гоитидзё: (1008–1036, прав. 1016–1036) просит один из этих цветов доставить ко двору и отдаёт на хранение Митинаге, своему деду по матери; позже чудесный цветок помещают в храме Бё:до:ин, который основал сын Митинаги.

В конце XIII в. Мудзю: Итиэн 無住一円 (1226–1312) включает в «Собрание песка и камней» (沙石集, «Сясэкисю:», 1279–1283 гг.) несколько уже известных нам рассказов о Гэнсине или похожих на них; см.: [Собрание, 2017]. В разделе о богах он описывает встречу Гэнсина со жрицей: боги её устами разъясняют монаху трудные места учения Тэндай. Но вот он подходит к самой сути учения, и боги отвечают: «Так давно уже мы смягчили свой свет, сравнялись с пылью⁴⁰, что уже позабыли!» (рассказ I–4). Сомневаясь, сможет ли он возродиться в Чистой земле, Гэнсин прибегает к гаданию по встречным (что на самом деле мудрому книжнику не подобает). В дождливый день он встаёт на перекрёстке двух столичных улиц – и прохожий, некий старик, говорит: «Иду в страну Высшей радости». В этом же рассказе Мудзю Итиэн упоминает успех книги Гэнсина в Китае и указывает, что согласно ей не всякий, кто стремится в Чистую землю, возродится там, ибо «многие не достигают истины» (Ха–1). О происхождении обряда «встречи Амиды» от игры Гэнсина Мудзю тоже пишет, но основной считает другую версию: как простой провинциальный монах каждый год писал себе письма от имени Амиды, и тронутые его верой, миряне разыграли для него действо (Ха–9).

Говоря о чудесах милосердного Дзидзо: и грозного Фудо:, рассказчик вспоминает, как вернулась к жизни сестра Гэнсина, но здесь за неё вместе с Гэнсином молится знаменитый монах Сё:сан 勝算 (939–1011) из того же храма Миидэра (II–5).

Ещё в этом сборнике с именем Гэнсина связан рассказ о том, что монашеский путь и путь поэзии не противоположны друг другу (Va–11). Поначалу Гэнсин, как и многие, вслед за китайским поэтом Бо Цзюй-и 白居易 (772–846) считал, что стихи – это «слова безумца, речи красная» 狂言綺語, *kё:гэн киго*, и только мешают подвижничеству, но потом один из его учеников – не мудрый, но чуткий к стихам – открыл учителю глубокий смысл поэзии, и Гэнсин сам стал сочинять такие, например, стихи:

<i>Ураямаси</i>	Завидую!
<i>Ика-нару сора-но</i>	В любую погоду
<i>Цуки нарэба</i>	Луна – на то и луна:
<i>Кокоро-но мама-ни</i>	Верная своему сердцу,
<i>Ниси-ни юкураму</i>	Двигается к западу.

Поэт завидует луне потому, что она всегда движется к западу, – как и сам бы он хотел двигаться к Чистой земле будды Амиды в западной стороне.

В двух рассказах (III–4 и Xб–3) Мудзю: пишет, что Гэнсин после того, как сердце его пробудилось, выше всего чтит два знака: «слава» и «выгода» 名利, *мё:ри*. «Ибо мыслил так: если бы в сердце не было жажды славы и выгоды, я не стал бы учиться, а без учёныя нет мудрости, а без мудрости трудно пробудить сердце, чтобы оно устремилось к Пути!» (III–4).

Завершая свою книгу, Мудзю опять ссылается на «Собрание сведений о рождении» Гэнсина: «В беседах, что ведутся не по правилам, мы, сами того не понимая, всегда следуем по верному Пути» (ТСД T2682 .84.0064a). Эти слова можно отнести ко всей традиции *сэцува* – и к рассказам о Гэнсине в том числе. Не важно, достоверны эти рассказы или нет, учёл бы их в своей работе дотошный составитель

жизнеописания или отверг, – они показывают, что во мнении людей означает быть хорошим монахом. От других героев подобных историй Гэнсина отличает разносторонность: он не просто хранитель «Лotosовой сутры», подвижник Чистой земли или знаток обрядов, а и то, и другое, и третье. Позже рассказы о нём и его матери, о его встречах со знаменитыми подвижниками, о стихах, звучавших в его окружении, снова и снова будут воспроизводиться в популярных книгах, рукописных и печатных [Китасиро, 2004]. На наш взгляд, эта сторона японской буддийской традиции, пока ещё малоизвестная у нас, заслуживает большего внимания.

Библиографический список

1. Амидаизм в Японии. Собрание текстов / Сост. А.Г. Фесюн. – М.: Восточная литература, 2018. – 311 с.
2. Гэнсин – Дзигоку Гокураку-э но тобира – иссэн нэнки токубэцутэн [Гэнсин – врата ада и рая. К 1000-летней годовщине]. – Нара: Нара кокуруцу хакубуцукан, Асахи симбунся, NHK, 2017. – 328 с. (源信: 地獄極楽への扉: 一〇〇〇年忌特別展. 奈良. 奈良国立博物館, 朝日新聞社, NHK. 2017).
3. Гэнсин / Под ред. Оосуми Кадзуо, Хаями Тасуку. – Токио: Ёсикава ко:бункан, 1983. – 451 с. (源信. 大隅和雄, 速水侑編. 東京. 吉川弘文館. 1983).
4. Камо-но Тё:мэй. Хо:дзё:ки. Хоссинсю: [Записки из кельи. Собрание пробуждённого сердца] / Под ред. Мики Сумито. – Токио: Синтёся, 2016. – 437 с. (鴨長明. 方丈記. 発心集. 三木紀人編. 東京. 新潮社. 2016).
5. Китасиро Нобуко. Кинсэй-ни окэру Гэнсин-то хаха-но сэцува ни цуйтэ [Рассказы о Гэнсине и его матери в Новое время] // Оогани гакухо:. 2004. – Вып. 82(4). – С. 14–28 (北城伸子. 近世における源信と母の説話について. 大谷学報. 2004. 82(4). 14–28).
6. Кодзидан [Беседы о делах старины] / Под ред. Кавабата Ёсиаки, Араки Хироси. – Токио: Иванами, 2005. – 909 с. (古事談. 川端善明, 荒木浩編. 東京. 岩波書店. 2005).
7. Коляда, М.С. «Беседы о делах старины» в традиции поучительных рассказов / М.С. Коляда // История и культура Японии. – Вып. 12. – М.: ВШЭ, 2020. – С. 47–58.
8. Кондзяку моногатари-сю: [Собрание стародавних повестей] / Под ред. Конно Тоору, Икэгами Дзюньити, Коминэ Кадзуаки, Мори Масато. – В 5 т. – Т. 3. – Токио: Иванами, 1993–1999. – 558 с. (今昔物語集. 今野達, 池上洵一, 小峯和明, 森正人編. 東京. 岩波書店. 1993–1999).
9. Японские легенды о чудесах. IX–XI вв. Пер. А.Н. Мещерякова. – М.: Наука, 1984. – 183 с.
10. Сутра о бесчисленных значениях. Сутра о Цветке Лотоса Чудесной Дхармы. Сутра о постижении деяний и Дхармы бодхисаттвы Всеобъемлющая Мудрость. Издание подготовил А.Н. Игнатович. – М.: Ладомир, 1998. – 538 с.
11. О:дзё:дэн [Предания о возрождении в Чистой земле]. Хоккэ гэнки [Записки о чудесах Лotosовой сутры] / Под ред. Иноуэ Мицусаса, Оосонэ Сёсукэ. – Токио: Иванами, 1995. – 774 с. (往生伝. 法華験記. 井上光貞, 大曾根章介校注. 東京. 岩波書店. 1995).
12. Собрание песка и камней / Пер. со старояпонского Н.Н. Трубниковой. – В 2 т. – М.: СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. – 656, 288 с.
13. Трубникова, Н.Н. Бодхисаттва во плоти: запись о поминовении принцессы Сонси / Н.Н. Трубникова // Религиоведение. – 2019. – № 2. – С. 66–76. DOI: 10.22250/2072-8662.2019.2.66-76.
14. Трубникова, Н.Н. Традиция «исконной просветленности» в японской философской мысли / Н.Н. Трубникова. – М.: РОССПЭН, 2010. – 414 с.
15. Янасэ Кадзуо. «Кондзяку моногатари» то «Хоссинсю:» – тёкуэцутэки канкэй-но хитэй [«Стародавние повести» и «Собрание пробуждённого сердца»: прямой связи нет] / Янасэ Кадзуо // Кокубунгаку. 1958. Вып. 17. С. 60–66 (築瀬一雄. 「今昔物語」と「發心集」直接的關係の否定. 国文学. 1958. 17. 60–66).
16. Gülberg, N. Buddhistische Zeremoniale (Kōshiki) und ihre Bedeutung für die Literatur des japanischen Mittelalters / N. Gülberg. – Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1999. – 318 p.
17. Rhodes, R.F. Some Problems concerning Genshin's Biographies / R.F. Rhodes // Indogaku Bukkyogaku Kenkyu – 2002 – Vol. 50 (1) – P. 514–511 (обратная пагинация).
18. Rhodes, R.F., Payne, R.K. Genshin's Ōjōyōshū and the Construction of Pure Land Discourse in Heian Japan / R.F. Rhodes, R.K. Payne. – Honolulu: University of Hawaii Press, 2017. – 404 p.

Текст поступил в редакцию 22.09.2020.

Принят к публикации 23.12.2020.

Опубликован 01.04.2021.

¹ Например: [Гэнсин, 1983; Гэнсин, 1017; Rhodes, Payne, 2017; Амидаизм 2018].

² Она же «Сутра о Цветке Лотоса Чудесной Дхармы» (妙法蓮華經, «Мё:хо: рэнгэ-кё:», ТСД 9, № 262); см.: [Лотосовая сутра, 1998].

³ Чаще всего биографы Гэнсина говорят о «Восьмеричных чтениях Лотосовой сутры» 法華八講, «Хоккэ хако:», которые прошли при дворе (неясно, в каком году) по велению либо самого государя Мураками 村上天皇 (прав. 946–967), либо его племянницы, принцессы Сё:си 昌子内親王 (950–999), ставшей супругой сына Мураками, государя Рэйдзэя 冷泉天皇 (прав. 967–969). На «восьмеричных чтениях» каждый из свитков сутры толковал один из ее знатоков, а другие монахи задавали вопросы.

⁴ Возможно, одной из причин такого выбора Гэнсина было то, что Рё:гэн в ту пору уже готовил на место главы школы другого ученика – Дзиндзэна 尋禪 (943–990), происходившего по материнской линии из государева рода, а по отцовской – из семьи Фудзивара, самой влиятельной в ту пору при дворе. В целом по замыслу Рё:гэна высшие должности в школе Тэндай должны были занимать близкие родичи высшей знати, а таким людям, как Гэнсин, в её руководстве места не было. Этим замыслом противились монахи из другой ветви школы Тэндай, чьим главным храмом был не Энрякудзи на горе Хиэй, а Миидзэра у её подножия; монахи из Миидзэра в рассказах о Гэнсине ещё появятся. Но возможно, что на Гэнсина повлиял пример отшельников Дзо:га и Сё:ку:, см. о них ниже [Rhodes, Payne, 2017].

⁵ Так указано в дополнении 1230 г., принадлежащем монаху Кэйсёю 慶政 (1189–1268).

⁶ Здесь и дальше при ссылках на японские источники первая цифра – номер свитка, вторая – номер рассказа; в одних случаях нумерация сквозная, в других своя в каждом свитке.

⁷ Тингэн о ней пишет: хоть и досталось ей женское обличье, но её можно назвать настоящим «мужем веры» 信男, *синнан* [О:дзё:дэн, 1995, 181].

⁸ Масафуса пишет, что «дарованиями, ученостью и помыслами о Пути» 才学道心, *сайгаку до:син*, Аннё: даже превосходила брата. Запись о её кончине есть в дневнике Минамото-но Цунэёри 源經頼 (985–1039), известном под заглавием «Сакэйки» 左經記, где сказано, что скончалась Аннё:, повторяя имя Амиды, и отправилась в Чистую землю.

⁹ В «Хоккэ гэнки» – четырёх.

¹⁰ 高尾寺 или 高雄寺 в краю Ямато (не путать со столичным храмом Такаосандзи).

¹¹ Здесь – соблюдение уставного правила есть один раз в день не позже полудня.

¹² Здесь – «таинства» школы Тэндай.

¹³ Правил в 986–1011 гг.; в «Хоккэ гэнки» не упомянут. Отметим, что здесь внимание двора к Гэнсину отнесено к более позднему времени, чем в других жизнеописаниях.

¹⁴ Санскр. Авалокитешвара, в Японии его почитание основано на главе XXV «Лотосовой сутры», где он обещает являться в разных обличьях и спасать живые существа от всяческих бед; также его почитают как посланца будды Амиды, проводника умерших в Чистую землю.

¹⁵ Санскр. Вайшравана, предводитель четверных небесных богов-царей, хранителей стран света.

¹⁶ Санскр. Гадгадасвара, его почитание основано на главе XXIV «Лотосовой сутры». «Отправиться на Запад» – то есть в Чистую землю.

¹⁷ 慶祐阿闍梨, даты жизни неизвестны; возможно, речь идет о Кё:дзо:, о нем см. ниже.

¹⁸ Из девяти уровней, различаемых в сутрах о Чистой земле. Гэнсин не надеется на высший из уровней – несмотря на все свои заслуги.

¹⁹ На небе Тосоцу (санскр. Тушита) пребывает будущий будда Мироку (*санскр.* Майтрея) перед сошествием на землю. В «Кондзюку» в рассказе 12–24 упомянуто, что Гэнсин, почитая Мироку, пытался восстановить заброшенный храм, посвященный будущему будде, начал собирать пожертвования, но работы были завершены уже после смерти Гэнсина.

²⁰ Согласно «Лотосовой сутре», это достоинства, обретаемые при «хранении» сутры, её чтении про себя, чтении вслух, толковании и проповеди по ней, а также переписывании [Лотосовая сутра 1998, 252].

²¹ Сосредоточение 1) сидя, 2) на ходу, 3) при чередовании хождения и сидения, 4) без хождения и сидения, например, во время работы по хозяйству.

²² Полная картина мироздания по учению Тэндай, см.: [Трубникова 2010].

²³ Рассказы о Дзо:га и Сё:ку: в версии «Хоккэ гэнки» (3–83 и 2–45) см. в переводе А.Н. Мещерякова: [Легенды 1984, 41–42, 46–48].

²⁴ 涅槃經, «Нэхан-гё:», ТСД 12, № 374, в школе Тэндай почитается как вторая по значимости после «Лотосовой».

²⁵ Она же принцесса Сё:си, см. выше примечание 5.

²⁶ Проводить 元服, *гэмпуку*, обряд совершеннолетия. Дети и подростки, для кого родители выбрали монашескую карьеру, поступали на обучение в храм ещё до этого обряда.

²⁷ Отшельнику Дзо:га, см. о нём выше.

²⁸ О пути между смертью и новым рождением.

²⁹ 善知識, *дзэнисики*, санскр. кальяна митра, в сутрах так называют тех, кто помогает друг другу следовать по Пути Будды.

³⁰ Исследователи спорят, кто скрывается за этим именем, но вероятнее всего, это воин из людей, близких к новому военному правительству Японии – ставке *сё:гуна*.

³¹ В «Дзиккинсё:» это рассказ 3–15 из раздела «Не презирать людские дела».

³² В «Дзиккинсё:» – рассказ 6–37 из раздела «Нужно быть преданным и прямым».

³³ Эти цифры могут обозначать действительный размер статуи или картины либо рост будды относительно изображенных рядом с ним бодхисаттв и других персонажей (примерно в 2,5 раза выше их, если считать их рост равным человеческому).

³⁴ В «Дзиккинсё:» – рассказ 5–4 из раздела «Нужно выбирать друзей».

³⁵ Возможно, речь идет о Сё:сане, см. ниже.

³⁶ 陣前之軍臨及則還 ТСД 84, № 2682, 45с. В «Дзиккинсё:» цитат из буддийских книг мало – чаще цитируются сочинения китайских мудрецов и поэтов. Книга Гэнсина оказывается исключением – недаром даже в Китае высоко ценили её стиль (ср. выше).

³⁷ 六行觀, рокугё:кан, по учению школ Тяньтай и Тэндай, эти шесть видов созерцания должен освоить каждый подвижник. Ку:я ниже перечисляет их: созерцание вражды, страдания, помех, покоя, благодати и отрешенности 麤, 苦, 障, 靜, 妙, 離.

³⁸ 非想非非想, хисо:хихисо:, высшего из небес.

³⁹ 厭離穢土・欣求淨土

⁴⁰ 和光同塵, вако:до:дзин, цитата из «Дао-дэ-цзин» (4), ставшая в Японии обозначением того, каким способом боги являются в земном мире.

References

1. *Amidaizm v Yaponii* [Amidaism in Japan]. Ed. A.G. Fesyun. Moscow: Vostochnaya literature, 2018, 311 p. (in Russian).
2. *Genshin*. Eds. Ōsumi Kazuo, Hayami Tasuku. Tokyo: Yoshikawa kobunkan, 1983, 451 p. (in Japanese).
3. Gülberg N. *Buddhist ceremonial (kōshiki) and its significance for the literature of the Japanese middle ages* [Buddhistische Zeremoniale (Kōshiki) und ihre Bedeutung für die Literatur des japanischen Mittelalters]. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1999, 318 p. (in German).
4. *Imagining the afterlife: hells and paradise envisioned by the Buddhist prelate Genshin: millennial memorial exhibition*. Nara: Nara National Museum, Asahi shimbunsha, NHK, 2017 (in Japanese).
5. Kitashiro Nobuko. *Ōtani gakuhō*. 2004, no. 82(4), pp. 14–28 (in Japanese).
6. Kolyada M.S. *History and Culture of Japan 12*. Moscow: HSE, 2020, pp. 47–58.
7. *Miracles of Lotus Sūtra* [Hokke genki]. Eds. Inoue Mitsusada, Ōsone Shokuke. Tokyo: Iwanami, 1995, 774 p. (in Japanese).
8. Rhodes R.F. *Journal of Indian and Buddhist Studies*. 2001, vol. 50 (1), pp. 514–511.
9. Rhodes R.F., Payne R.K. *Genshin's Ōjōyōshū and the Construction of Pure Land Discourse in Heian Japan*. Honolulu: University of Hawaii Press, 2017, 404 p.
10. *Sand and Pebbles Collection* [Shasekishū]. In 2 vols. Trans. Trubnikova N.N. Moscow, St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2017 (in Russian).
11. *Sutra o beschislennykh znacheniyakh. Sutra o Tsvetke Lotosa Chudesnoi Dkharmy. Sutra o postizhenii deyanii i dkharmy bodkhisattvy Vseobyemluschchaya Mudrost* [Lotus Sūtra with Introductory and Concluding Sūtras, translated from Chinese into Russian by A.N. Ignatovich]. Moscow: Lodomir, 1988, 538 p. (in Russian).
12. *Tales about Old Matters* [Kojidan]. Eds. Kawabata Yoshiaki, Araki Hiroshi. Tokyo: Iwanami, 2005, 909 p. (in Japanese).
13. *Tales of Times Now Past* [Konjaku monogatari shū]. Eds. Konnō Tooru, Ikegami Jun'ichi, Komine Kazuaki, Mori Masato. Tokyo: Iwanami, 1993–1999, vol. 3, 558 p. (in Japanese).
14. *The Ten Foot Square Hut. Awakening of Heart* [Kamo no Chōmei. Hōjōki. Hosshinshū]. ed. Miki Sumito. Tokyo: Shinchosha, 2016, 437 p. (in Japanese).
15. Trubnikova N.N. *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2019, no. 2, pp. 66–76 (in Russian).
16. Trubnikova N.N. *Traditsiya "iskonnoi prosvetlennosti" v yaponskoi filosofskoi mysli* [Original Enlightenment Tradition in Japanese Philosophy]. Moscow: ROSSPEN, 2010, 414 p. (in Russian).
17. Yanase Kazuo. *Japanese literature* [Kokubungaku]. 1958, no. 17, pp. 60–66 (in Japanese).
18. *Yaponskie legendy o chudesah* [Japanese Miraculous Tales Translated from Chinese into Russian by A.N. Meshcheryakov]. Moscow: Nauka Publ., 1984, 183 p. (in Russian).

Submitted for publication: September 22, 2020.

Accepted for publication: December 23, 2020.

Published: April 1, 2021.